

84(2Рос)6

У 83

Виктор Устьянцев

Byron J. Perry

84(2Рос)6

У 83

Виктор Устьянцев

ПРОСТИТЕ,
ЧАЙКИ!

67644-2

г. Белово
1999

м/и

*Автор благодарен коллективу
Беловского МППЖТ и его директору
Виктору Васильевичу Карлею
за помощь в издании сборника*

Художественное оформление - автора

О СЕБЕ

Родился 27 мая 1932 г. в г. Кургане.

В 1937-43 годах находился на лечении в Крыму, потом на Северном Кавказе, где оказался в оккупации.

После эвакуации жил в г. Ленинске-Кузнецком, в Комсомольске-на Амуре.

Работать начал в 1949 – токарем в МНР.

Был буровым рабочим в Казахстане, электриком в Свердловске.

С 1960 г. живу в г. Белово, Кемеровской области. Работал на строительстве, монтаже и эксплуатации Беловской ГРЭС, затем в энергонadzоре.

Последнее место работы и должность – угольный разрез «Колмогоровский», энергетик.

Кроме городской газеты стихи публиковались в областной периодической печати и в коллективном поэтическом сборнике.

ОТКУДА РОДОМ Я...

Раз как-то в поезде меня спросил старик:
«Ты чей, сынок, к примеру я – калужский...»
Он сед был, словно натянул парик,
Свисали волосы на лоб, как стружки.

Его вопрос меня застал врасплох.
Я рос в вагонах, как цыган в повозках.
И потому – назвать родным бы мог
Любой вокзал, что видел из окошка.

Как говорят, уж такова судьба.
Она меня с рождения носила.
Я б у любого выпрыгнул столба,
Да не в моих совсем то было силах.

Видать, любила бабушка цыган,
И воспылала страсть в отце к дорогам...
Потом войны кровавый ураган
Кружил и гнал к неведомым порогам.

И полюбил я реки и поля.
Милей всех джазов мне – колес чечетка.
Вот только «чей, откуда родом я» –
Ответить деду не сумел я четко.

Я из Кузбасса, Крыма, из Москвы.
Мне Сталинград разбомбленный
– наследство.

А как Амур мне дорог, знали б вы!
И это все – и родина и детство.

1999 г.

Камушки
из
детства

РУСАЛКА

Л. Кучере

Когда луна полночная
Отчетливо сверкнет,
Русалка белокурая
Мне песенку сплет.

Сплет русалка песенку
И скроется в волне,
И чайки белокрылые
Промчатся в вышине.

Я крикну: «Чайки милые,
Возьмите вы меня!»
И с облака далекого
В пучину кинусь я...

Звени, волна, прибрежная!
Луна, свети, пленя!
С русалкой белокурою
Вам не найти меня...

6 кл.

Комсомольск-на-Амуре.

МОЕЙ ШКОЛЕ

То ли это все было?
То ль не было вовсе?
Белый снег... Школьный двор...
И веселый звонок.
Двадцать пятая школа!
Пригласи меня в гости,
Чтобы всех, кто мне дорог,
вновь увидеть я мог.

Я забыть не могу
одноклассников лица,
Одноклассниц порою
твержу имена.
Отчего же разлука
нелепо так длится?
Чья, никак не пойму я,
в том злая вина?

Разве счастлив я
дружбою школьною не был?
И была мне любая беда –
не беда.
Но растаяло детство,
как облако в небе,
Чтобы больше уже
не приплыть никогда...

Где теперь Вы,
Елена Богдановна? Где Вы?
Так прекрасен когда-то
был строгий Ваш лик!..
Где русалочка Люда,
сидевшая слева?
Ее косы, наверное,
кто-то остриг.

Ни о ней ли стихи
я писал на уроке?
Рисовал ее профиль
тайком ото всех.
Ах!.. Года размели
те рисунки и строки,
Превратив ее облик
в мелькающий снег...

Я б хотел появиться
в том городе снова,
Где, как море – Амур
и где берег высок,
И нечаянно встретить
вдруг Кольку Петрова.
«Сколько зим, - прокричать ему, -
школьный дрозд!...»

Кто? И что ты?..
К чему и зачем мне все это?
Лишь бы весел, как прежде,
ты был и здоров...
Я и сам для себя
как вопрос без ответа,
А в итоге –
лишь горы наломанных дров.

Я сегодня,
как будто бы странник в пустыне.
Никого – ни друзей,
ни наставников близь.
В этом только лишь сам я,
наверно, повинен...
Двадцать пятая школа,
и все ж – отзовись!

И поверь, не причуда,
что вспыхнула, тлея –
Этот крик мой
и, может быть, голос в ответ.
Потому что, чем ты,
в моей жизни светлее –
Ничего, никогда
не бывало и нет.

1989 г.

НА ПЕРРОНЕ

Не в первый раз
стоять мне на перроне
И ощущать прощальную тоску.
Она пройдет,
она в окне потонет
Под чей-то смех
и под колесный стук.

Мне снова
дали крикнут:
«Брось! Не надо!»
И, вырывая облеженья вздох,
Опять в груди
расправит крылья радость,
И странным станет,
что грустить я мог.

Года мои –
гудков густые звуки.
И пусть порой
не мог сдержать я слез,
Я больше верил встречам –
не разлуке.
Ах, сколько раз
меня ты, поезд, вез!

Меня везли ребенком
в сорок первом
Сквозь бомб разрывы,
самолетный вой.
Я вот тогда и полюбил,
наверно,
В рубцах суровых
лик, Россия, твой...

Потом...
опять вокзалы и дороги.
И каждый раз
в ознобе стыла кровь.
Но забывал я все свои
тревоги,
Когда простор России
видел вновь.

Да, что-то есть
в ее полях бессонных,
В просторе том...
а что, не разберу –
Сильней прощальной той
тоски перронной,
Сильней того,
чем в сердце чьем-то грусть.

1969г.

ВНОВЬ ХОЧУ УВИДЕТЬ МОРЕ

Уезжаю от метелей,
Уезжаю от пурги,
Салаирских хмурых елей,
И от города Юрги,
От заводов, от разрезов,
Льдом закованной Томи...
Краток отпуска отрезок –
Грусть, мне сердце не томи!

Я люблю, Сибирь, твой иней,
Перелесков белый дым...
Но ведь есть еще и синий,
С самым синим морем Крым.

В санаторных там палатах
Я лежал перед войной,
Феи добрые в халатах
Колдовали надо мной.
Колдовали над другими,
Чуть дышавшими, как я.
И слагали волны гимны,
В царство сказок унося...

А потом кромешной силой
Разнесло младенцев рай...
Где меня бы ни носило –
Тот забыть не в силах край.

Вновь хочу увидеть море,
Услыхать прибоя гром –
Лишь бы только боль и горе
Не звучали в громе том.

Имена тех фей, что были,
Чайки пусть напомнят мне...
Вы во мне, во мне, те были,
Словно камушки на дне!
С поднебесного утеса
Поклонюсь быломu дню,
А печали отголосок
Ото всех захороню.

1971 г.

ПРОСТИТЕ, ЧАЙКИ

Я иду вдоль причала,
Я иду, как во сне...
Сколько лет ты звучала,
Песня моря, не мне!

То ли дуют зюйд-весты?
То ли дует норд-ост?
Только нынче от ветра
Волны чуть ли не в рост.

Разбивается в брызги
Разъяренный прибой –
Вновь мне чудится: близкий
Разгорается бой.

Вы простите мне, чайки!
В сердце снова испуг:
Мессерами нечаяно
Я представил вас вдруг.

Снова слышу: у пирса
Наших пушек пальба...
Вон он «фриц» задымился –
Не поможет мольба...

Все напутали ветры:
Дым от катера лишь,
А вверху над Ай-Петри
Несказанная тишь...

Мне лучами бы греться,
Слушать песню волны,
Но не вынуть мне детства
Из кассеты войны.

1971 г.

67644-2

ОГОЛЬЦЫ

Нахаловка... война...
землянки...
Снега – под самую трубой.
А вниз, в лога, летели
санки,
Где огольцы толклись
гурьбой.

Работы самодельной лыжи
Тем санкам уносились
вслед.
Там не бывал никто унижен
За то, что был смешно
одет.

Неласковых времен тех
дети –
Мы огольцами были
впрямь.
И рвал лохмотья встречный ветер,
Но был любой из нас
упрям.
С оторванным у шапки
ухом,

Быть может, был я
меньше всех,
Но как и все –
с трамплина ухал
И падал кувырком я
в снег.

«Тот, что из плена,
- говорили, -
Стал посильнее, наконец!»
И титул уличный дарили
Мне за отвагу –
«Оголец!»..

1987 г.

И не гнал нас базарный
с култышкой.
Брал лишь с каждого
по три рубля.

Он одною рукой самокрутку
Ловко скручивал, словно двумя.
И войну проклинал
не на шутку,
Взгляд куда-то порой устремя.

Барахолка шумела, как улей.
Продавали там спирт
на разлив.
Кто-то громко выкрикивал:
«Жу-у-лик!..»
Кто-то пел про измену навзрыд...

Пыль немного когда
остывала,
Разгорался пожаром закат, -
Брел с буханкой домой я
устало,
Как из жаркого боя солдат.

Не видать бы базаров тех
сроду
И дорог, что тогда к ним
вели,
Только все-таки –
пили там воду
И давали мальчишкам рубли.

1988 г.

МАЛЬЧИШКИ

Мальчишки играют в войну.
Настроив из снега доты,
Они, защищая Страну,
Ложатся на пулеметы.

Потом они снова встают, -
Как будто их не убивало...
Никто им не скажет тут,
Что так на войне не бывало.

1987 г.

* * *

Вот и снова снег голубоватый
Устелил пригорки и лога.
Только, словно в чем-то виноватый,
Робок и застенчив он пока.

Был и я таким – когда-то в детстве –
Чересчур мечтателен и чист...
Рад, зима, тебя я вновь приветствовать,
Пусть восходов холодны лучи!

По душе мне и мороз и иней.
И, как будто никаких забот, -
Вновь смотрю с восторгом в бледно-синий
Мест родных родной мне небосвод.

Время, ты меня не изменило:
Не похож давно я на юнца, -
Но все то, что в детстве было мило,
Остается милым до конца.

1970 г.

* * *

Иду, где потемней
дорожки,
Где больше снегу,
меньше льда,
А месяц сверху
строит рожки.
Мне с этим месяцем
беда.

Такой он
несерьезный слишком:
То вынырнет,
то вновь нырнет.
И что возьмешь с него?
Мальчишка!
Звездой, того смотри,
пульнет.

Чтоб я не юморил
напрасно
Над озорством его
при том,
Что сам я вел себя
ужасно,
Был, как и он –
озорником!

С моста нырял,
на крыши лазил,
По снегу бегал
босиком...
И вот, как будто кто-то
сглазил --
Плетусь,
леча себя стихом.

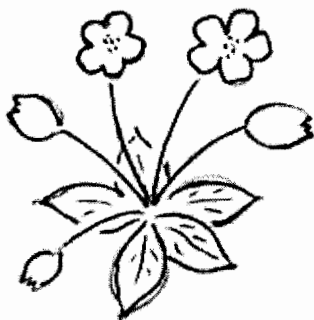
Март, 1991 г.

ОДА ВЕСНЕ

Оттай , душа!
Угрюмство, сгинь
С последней мартовской метелью!
Чтоб опьяняла неба синь
И удивляла легкость в теле.
Я быть хочу, я быть хочу
В плену у радости - не грусти.
Весна! Ты не чета врачу,
Который вам рецепт отпустит
И вымолвит: «Три раза в день
По порошку и ложке чайной...»
Не выдаешь ты бюллетень,
Но исцеляешь ты отчаянно!
Груба порой судьба и зла...
К любому ты спешишь с участием.
Ты лечишь близостью тепла,
Надеждой новою на счастье.

1970 г.

Мур
зуда

* * *

В. Булановой

Опять покрылось небо мглою,
И на душе опять серо.
Опять с томительной тоскою
Ищу бумагу и перо.

И что-то грустное и злое
Таит рябая муть в себе.
И мчится сердце молодое
К одной тебе, к одной тебе.

И рифмы вдруг возненавидев, -
Ныряю в непроглядный снег!
Чтобы тебя, тебя увидеть,
Тебя одну, одну из всех.

*Красноярск 9,
ст. Базаиха, 1950 г.*

* * *

Стонет ставня, словно мерзлый полоз.
Мертвый свет свой месяц на пол льет.
И далекий, заунывный голос
Плачет, и рыдает, и поет:

«Спи, умри, душа твоя устала.
Не горюй, не думай ни о чем.
Вас таких в земле уже не мало,
Позабывших в мире обо всем.

Не горюй, расстанься с этим светом,
С этой глупой, брэнной суеюй.
Над холмом могильным с каждым летом
Просыпаться будешь ты душой.

Равнодушным к ласке и обиде
Суждено тебе отныне быть –
Никого уж не возненавидеть,
Никого не будешь и любить...»

Лоб горячий тронув чуть рукою,
Понимаю я, что это - бред...
Из окна с космической тоскою
Месяц на пол разликает свет.

1954 г.

* * *

За окном морозная,
голубая ночь.
Месяц улыбается,
светит во всю мочь.

Что ж ты разулыбился,
лысый чародей?
Много ль ума-разума
в голове твоей?

Вот глядишь ты призрачно
из-за облаков,
А тебя на землю бы –
Не был бы таков.

Злые люди-нелюди,
все вокруг губя,
Быстро очернили бы
светлого тебя.

Чтоб не улыбался ты,
глядючи в лицо, -
Сделали б калекою
или подлецом.

Оттого, наверно, ты
высоко залез.
Хорошо ли там тебе
в холоде небес?

Знаю, не ответишь ты
ничего в ответ.
Разливай по-прежнему
свой холодный свет!

1954 г.

* * *

Здравствуй, май!.. Раскованность!..
Свобода!..

Долгожданный говор первых гроз!..
Сгинь, шальная, злая непогода!..
Прочь от сердца, холод и мороз!

Вновь душа отворена для страсти,
Для мечтаний светлых о любви...
Кто ты будешь, в чьей я буду власти?
Поскорей себя мне назови!

Будет час, быть может, предвечерний,
И закат уже начнет алеть –
Я приду к тебе, как друг твой верный,
Только ты узнай меня и встреть!

Чувства я свои скрывать не стану –
Ждал тебя я слишком много дней.
Целовать тебя я не устану,
Ты со мною тоже будь нежней!

О былом не спрашивай, не надо,
Мрачных дум и грусть не наводи...
Здравствуй, май!.. Души моей – отрада!
Голубым огнем пылай в груди!

1954 г.

* * *

За окном всю ночь грустит гармоника...
Может, кто-то в первый раз узнал,
Как его, девичьих глаз поклонника,
Сердцеед какой-то обогнал.

И пускай в его груди смятение,
Плачет пусть гармоника о ней, -
Разве он предъявит обвинение
Той, что всех безвинней и нежней?

Виновата разве в том любимая,
Что он так доверчив, но не смел?
Так пускай, пускай теперь с другим она,
Раз ее увлечь он не сумел.

Ведь тому, кто в первый раз влюбляется,
О любви не рассказать своей...
Оттого, наверно, заливаётся
За окном какой-то «соловей».

Июнь. 1956 г.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Помню майскую ночь
в том заветном саду
И сирени кусты
в серебристом цвету.

Золотила луна
рябь седых облаков,
В грудь вливался волной
нежный запах цветов.

Нам не пели с тобою
тогда соловьи.
Без признаний и слез
мы открылись в любви.

Ты прижалась ко мне
от прохлады ночной...
До сих пор не пойму я, что
было со мной.

Целовались с тобой
мы тогда до утра.
Виновата в том
юная наша пора.

Незаметно и быстро
растаяла ночь...
Сколько лет с той поры
пролетело уж прочь.

Ничего не осталось
от юной любви.
Позабылись
и губы, и руки твои.

Только майская ночь
и тот сад при луне
Часто видятся мне,
часто видятся мне.

1956 г.

МИГ ЧУДА

Зелен день...
Ах, как всегда их мало –
дней таких!
За ними желтых рать
явиться с печалью о зеленых,
с ожиданьем вихря
белых дней.

Белые
без всяких сентиментов
вдруг нагрянут,
будут длиться долго.
Но опять
придет всем дням начало,
как салют –
стоцветная весна.

В смене дней,
летающих по орбите,
каждый миг
встречаю я как чудо...
Только знаю:
чуда нет чудесней –
в майский день
цветка рожденья миг.

1985 г.

СВЕРДЛОВСКУ

До свиданья! До новой встречи!
Милый город, я так привык
К твоим улицам, к твоей речи,
К зимним будням за чтеньем книг.

Под листвою зелено-крылатой –
Это помню я, как сейчас, -
Ты принял меня, словно брата,
Незнакомого – в ранний час.

Душу юную взбудоражил,
Закружил и влюбил в себя.
И теперь вот мне странно даже,
Что с тобою прощаюсь я.

В полдень мой отбывает скорый,
И печален я, и счастлив.
Домом будут мне степь и горы,
Одеялом – зари разлив.

А когда будет звездно, лунно,
Вдруг замрут друзей голоса –
О тебе под шальные струны
Кину песенку в небеса.

Свердловск, 1957 г.

КАЗАХСТАНСКОЕ УТРО

Тишина. Рассвет над Казахстаном.
Небо мутно, словно в молоке.
Тишина, но где-то неустанно
Тарахтят моторы вдалеке.

Это утро хмурое, сырое.
Только дни такие здесь редки.
С прошлогодней выжженной травой
Пустыри я вижу да пески.

Здесь вокруг на сотни километров,
Было время, сколько не кричи, -
Только свистом вам ответят ветры,
Да столбом завихрятся смерчи.

А сегодня в дикие просторы
Юность дерзко направляет сталь,
И недаром тарахтят моторы,
Будоража дремлющую даль.

Там вон видно, как у переката
Самосвалы в степь везут зерно.
И сигналият, торопясь, ребята –
Шоферня друг другу озорно.

Да и я ведь здесь не лишний третий:
Буровая вышка за холмом
Через час и примет, и приветит,
Словно это мой родимый дом.

Здесь мы все – целинник и геолог,
Кто грустить от скуки не привык, -
Поднимаем тайных кладов полог,
Открываем новый материк.

*Домбаровка,
Актюбинская обл.
Уральская геол. разв. партия.
1957 г.*

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Опять в поселке
шум и звонкий смех,
И на душе опять –
то грусть, то радость.
Причин особых нет, -
а просто снег
Сошел на нет,
чернея у ограды.

Девчонки прыгают,
заняв сухой асфальт.
Я обхожу их,
наступая в лужи.
И встречных женщин
лиц овал
Немножко
голову мне кружит.

А ветер, ветер –
буйный мальчуган
Свистит в три пальца,
разгоняя тучи.
И тянется рука в карман,
Чтоб записать про все...
на случай...

1968 г.

МОНОЛОГ ЧУДАКА

Я опоздал, я опоздал!..
Я все хотел на лыжах выйти,
А снег – уже водою стал,
Хоть в лужах плавай на корыте.

Теперь бы хоть не прозевать,
И лишь апрель всю сгонит воду,
В логах подснежников нарвать...
К стыду – я их не видел сроду!

А как нарву – то подарить...
Кому дарить? Ведь нет любимой!..
Вот, завтра встану до зари –
Промчись попробуй, время, мимо!

1968 г.

* * *

На призывный крик скворца
Выхожу весне навстречу:
Все и всюду без конца
Одарилось снова речью.

Там и тут поют ручьи,
Воробьи горланят хором...
Словно кто-то поручил –
Мне опять умчать за город.

Снова синь в глаза мне бьет,
Даль опять передо мною.
Ощущаю, словно взлет,
Притяжение земное.

Рад оттаявшим буграм,
Зла зиме не поминая...
Так ли много надо нам?
После вьюг – дожждаться мая.

1980 г.

* * *

Холодны пускай рассветы –
Зелена еще трава,
И про лето
у поэтов
Недошепчены слова.

До утра считает звезды
Одуванчик на лугу.
Отпуск взяв,
совсем не поздно
В степь сбежать,
уйти в тайгу.

Мне недаром постоянно
Нынче снятся все ясней
То скалистые Саяны,
То бурлящий Енисей.

Не рыбак я,
не охотник.
Этой страсти я лишен.
Я брожу всего охотней
Просто так...
С карандашом...

Ничего не надо,
кроме:
Роль скитальца полюбя,
Ощущать,
как мир огромен
И песчинкою – себя.

1976 г.

ЧТО ЖАЛЕТЬ О ТОМ ЦЫГАНУ

(Пой, цыганская струна!)

Эй вы, бубны!.. Эй вы, струны!..
И цыганских песен грусть!..
Уж не в том ли поле лунном
Родились вы, что и Русь?..

Удаль, горе, смех сквозь слезы –
Все, как ярый ураган...
Свист пурги и скрип полозьев...
Так страдал, так жил цыган.

И куда стремились кони?
Где цыгана ждал очаг?
И мольба какой иконе
У него жила в очах?

То зима, то снова лето...
То селение, то яр...
Свет костров... И до рассвета
Скрипок плач и звон гитар.

И в рыдальных лился песнях
Роковых страстей разгул...
Только кони неизвестно
Под какой исчезли гул.

И в какие скрылся дали
Табор? Может, в небеса...
Чьи-то души отстрадали,
Чья-то высохла слеза...

И уже не яр – эстрада,
Не луна – прожектора.
И не знает внучка Радда
Про далекое вчера.

Что жалеть о том цыгану,
И цыганке что тужить?..
Свой шатер покинув рваный,
Вы ушли в другую жизнь.

Пусть звезда вам ярче светит
И в зенит летит она.
Только вновь про степь и ветер
Пой, цыганская струна!

Про любовь, звени, про очи,
И про радость, и печаль,
Да про тот костер, что ночью
Звал в обманчивую даль...

Эй вы, бубны!.. Эй, гитары!..
И цыганских песен грусть!..
Только грянут – я в ударе
Им в любви своей клянусь.

1981 г.

МАХНЕМ НА СЕВЕР

Махнем на Север!
В тундровую зыбь...
Не за рублем,
хоть он совсем не лишен.
Одной там вьюге
можешь крикнуть:
- Сыпь!
А будешь сразу –
десятью услышан.

Там, говорят, олени на рогах
Издаюка
приносят счастье
людям.
Там можешь в топях
рыжих
и в снегах
Ты испытать, как путь бывает
труден.

Махнем на Север!
И пускай огнем
Сгорит все слабое в нас
и пустое.
Мы не за то ль
себя порой клянем,
Что в собственных
глазах
так мало стоим.

Махнем на Север!
Ночь там – белый день,
А днем лучи «Медведиц»
бьют отвесно.

Я точно знаю:
в тундре, как нигде,
Простор любой
фантазии
и песне.

Еще в тебе
не так уж мало сил,
Уютом призрачным
еще не сломлен.
Немало ты когда-то
колесил.

Давай-ка вновь,
мой друг,
Мы юность вспомним!

Махнем на Север!
Чтоб в конце,
потом...

Ты мог поведать –
пусть узнают внуки, -
Что изваять на льдине
можно дом,
Но ничего не сотворить –
на скуке.

1975 г.

НА ДАМБЕ

Заката как будто
страницы листаю:
Вдоль дамбы иду я
и Блока читаю.
Читаю стихи
над озерною рябью.
Я душу стихами
ничью не ограблю.

Кедрач и осины
застыли, внимая.
Мне кажется,
Блока они понимают.
И, может быть, видится
профиль им тонкий
Таинственной блоковской
незнакомки.

...Она появлялась
из сказочной дали.
Поэта мечта! Вообще
Ты была ли?
Была?.. Или, может -
все вымысел это?
Пусть это –
останется тайной поэта...

А я... незнакомку
свою вспоминаю.
И то, что она существует, -
я знаю.
Но ей безразлично –
отлично иль плохо
Сейчас я читаю
над озером Блока.

Зато в утешение:
волны – три крошки –
Я смолк – заплескали
в сырые ладошки.

1992 г.

НА БЕРЕГУ

А катер мой не дождался
Пока я с горы сбегу.
Напрасно я звал, метался
На утреннем берегу.

Как лебедь, неторопливо
Он отошел в тот миг,
Когда я, почти счастливый,
Причала ногой достиг.

Он скрылся в тумане белом.
Навстречу солнца лучам...
На берегу был я – телом,
Душою – был с ним я, там.

Мне катер казался чудом,
И виделся люд на нем:
Инопланетным людом,
С небесным в глазах огнем.

И были мне так до боли
Все те, кто там плыл, близки,
Что стискивал поневоле
Ладонями я виски.

Но воздух лишь стал прозрачным,
И катер себя принес, -
Увидел я, как невзрачны
Его и корма, и нос.

И люд был, сошедший, тоже –
Обычный, земной вполне...
Лишь час тому – отчего же
Кричало все так во мне?..

Ах, глупое наваждение!..
Воображенья бред!..
Ни этим ли, тем не менее, -
И дорог мне этот свет.

1985 г.

АРТЫШТА

Что говорить,
не сельский житель я,
Но и совсем –
не обожатель лоджий...
Мне видится:
сырая колея
И перемешанный со снегом
дождик.

Деревня видится мне
Артышта,
Где за оградами –
овраг дремучий...
Ах, живописцы!
Как вас в те места,
Я удивляюсь,
не забросил случай?

Там все, что надо:
сосны и холмы,
И дым из труб,
и березняк, и поле...
Вот заявлюсь туда
среди зимы
И попрошусь
преподавать там в школе...

В той, что стоит спокойно
на краю,
И от которой веет так
уютом.
И, может, буду я
судьбу свою
Благодарить,
зарю встречая утром.

И я скажу ученикам своим,
Что поэтичней
нет угла в округе,
Что повезло
в селе родится им,
Где был я только гостем на досуге.

1983 г.

МАШИНИСТ

Сто сорок джинов
 в паровых котлах.
Они б котлы
 разворотили в прах,
Но машинист –
 совсем не зря у пульта.
Он – чародей, он – маг,
 специалист,
И не один лишь только
 адский свист,
Он слышит джинов тех –
 биенье пульса.

Он изучил
 тех джинов ярый нрав,
И их добру, не злу,
 служить призвав,
Лишь чуть к ключу
 рукою прикоснется –
И, не жалея
 исполинских спин,
Так крутят джины
 лопасти турбин –
У повелителя
 душа смеется.

Душа еще
 так рада потому:
Свет и тепло
 дарить дано ему,
А это, в общем, -
 счастьем и зовется.

Вот не забыть бы только
 про того,
Не приручил кто джина
 своего,
Кому счастливым быть
 не удастся...

1983 г.

УГОЛЕК

Не подземный, и все ж – забой.
Слева – сланцы, а справа – уголь.
Из романтиков здесь любой
Доказать свою сможет удаль.

Я про удаль совсем не ту,
Что порою - хамит и лаает...
Уголь чувствует доброту,
Душу чуткую понимает.

Если ковш – не дракона зев,
Коль в чести – и предел и мера,
Уголь, хмурость преодолев,
Станет дружбы, поверь, примером:

Чтоб не снилась тебе печаль,
Что остыли вдруг всюду печи,
Скажет он: «Мне огня не жаль!
Грейся, праведный человече!

Удаль мудрую проявляй,
Управляя железной силой, -
Только рая не разоряй
На планете – и камню милой.

Речка рядом – ее не тронь!
Не распни ни ежа, ни лося –
Лучше в руки возьми гармонь,
Чтобы им веселей жилося...»

Если глух к речи камня ты,
Все на свете презрел каноны –
Неминуемо – жди беды,
Дуралеевой жди короны.

Коли рай превратил ты в ад
То ль по глупости, то ль во гневе –
Проклянет тебя стар и млад,
И дитя, что еще во чреве...

Уголек, не кричащий ввек,
Слышишь, нынче взывает в дрожи:
«Будь разумнее! Ты ведь можешь!
Homo Sapiens! Человек!»

1989 г.

В БОЛЬНИЦЕ

В это летнее утро в росе
Я сбежал из больничного плена,
Чтобы все, до единой чтоб все,
Алым соком наполнились вены.

Ах, внимательный докторши взгляд
Держит память замороженно!
Только душен мне воздух палат –
По дорожке бегу стадионной.

Впереди старикан с бородой.
Мы, как спутники в вихре орбиты.
Он уж круг завершает шестой –
Я упал на втором, – как убитый.

Знать, ему, «Бороде», стадион
Стал давно врачомателем-другом.
По сравнению с ним я – пижон.
Оттого и подвержен недугам.

Не бежал я всю жизнь, а спешил.
Ни в Венеции не был, ни в Нице.
Словно только мечтою и жил
О какой-нибудь милой больнице...

К половине восьмого опять
Я на койке, как голубь подбитый...
Завтра встану не в шесть я, а в пять –
Сердце выведу на орбиту.

Июнь, 1989 г.,

Белово, больница № 1, палата № 2.

НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ

Я на взморье Рижского залива.
Мир вокруг и сказочен, и прост:
Серебристой волны машут гривой,
Чудо-сосны – в великанский рост.

Проплывают в тишине, как вечность,
Лебединой стаей облака.
Из Сибири отпускник беспечный,
Удивлен я и смущен слегка.

Я не ждал, что так необычайно,
Нежно будут волны петь у ног.
Только мнится: лет немая тайна
Холодит прибрежных дюн песок.

Видно, с моря злые каравеллы
Разгоняли дюн глубокий сон.
И в сраженьях новых гром обстрела
Заглушал людей и сосен стон...

Я иду. В моей душе молитва
По убитым в разные века.
Да исчезнет, сгинет слово «битва»!
Мир вам, дюны, волны, облака.

У меня чиста пред вами совесть.
Может, этим – только и счастлив.
Не латыш пускай я, не литовец –
Синь твою боготворю, залив.

1968 г.

* * *

Охватило пыланьем листья...
Только веткам
вдруг зябко стало.
Это осень лисой огнистой
Заметалась и замелькала.

Зря не цель в ту лисицу
выстрел,
И не ставь на нее капканы:
Видишь, ветер как лечит
быстро
На дрожащей осине раны.

Видишь, след исчезает
лисий
За дорогою,
там, где колки...
Скоро, скоро вот с этих
высей
Полетят метелей иголки.

Лишь останется от пыланья,
От мельканья
лисицы рыжей
Боль жестокая расставанья,
Словно сам я горел, да выжил...

1968 г.

* * *

Ах, осень! А осень такая!
В поступках своих вольна,
Желаниям потакая,
Все

дарит

тепло она.

И как от улыбки любимой,
Иль друга пожатья руки –
То грустно неодолимо,
То весело

вопреки

Тому, что уже на излете
Рябинных костров пора, -
Но новое в своей плоти
Деревьев таит кора.

И новому этому снова
Шуметь и вовсю цвести...
И в муках рождения слова
Кому-то опять брести.

1983 г.

ИСПОВЕДЬ «ДОН-КИХОТА»

Кружись и шурши, листва!
Где лето?.. Где силы вешние?..
Частицы от естества,
Уже мы почти нездешние.

Дотлели чувства. Конец.
Одни лишь вспышки эмоций.
И сам я почти мертвец.
А может – броситься с моста?

Но вздрогнула вдруг душа.
О, рыжая осень-львица!..
Ах, как бы, тоску глуша,
Хотелось опять влюбиться!

Хотя бы – вон в ту сосну,
В обрыва изгиб летящий, -
Чтоб, отходя ко сну,
Опять казалось, что счастлив.

Чтоб наплывал покой,
И ... выплывали строки, -
Когда я коснусь щекой
В безбрежной степи осоки.

И чтоб – по утрам мой пес
Будил меня громким лаем,
В знак верности мокрый нос
В ладони мои толкая...

О степь! О заря! О плес!
Я нужен вам, чую кожей.
Умрет без меня мой пес.
Без вас – я исчезну тоже.

Для женщин же я вполне
Помешанный – и не боле.
Вот вижу: навстречу мне
Летит Дульсинея-Оля.

«Ты мой, - кричу, - идеал!..
Я – Дон-Кихот усталый!..»
Лишь хохота дикий вал –
В ответ из губ идеала.

И все же, хоть в сердце боль,
Собою вполне владею...
Мне б только не сбиться на роль
Какого-нибудь злодея.

Так страшно, чтоб шепот: «Вор!» –
В лицо вам... Я протестую!
Пускай, чем этот укор –
Сожгут или четвертуют...

И пусть я – убог и сир.
Согласен, с клеймом изгоя,
Любить все ж тот самый мир,
Лишен в котором покоя.

1992 г.

НЕВИДИМКА

Поднимаю плаща воротник.
Ждать, наверное, долго попутки.
Вновь сквозь серую морось возник
Облик девичий, нежный и хрупкий,

Весь из света и из тепла,
Словно солнца пробившийся лучик.
Невидимкою подошла,
Улыбнулась улыбкой певучей.

На щеках полыхнула заря,
Грудь вздохнула под кофточкой тонкой.
Прошептала: «Дружок мой, зря
Разлюбил ты простую девчонку.

После вихря промчавшихся лет,
Знаю – сердце раскаянье гложет..»
Я молчу. Я смотрю тебе вслед.
Мой ответ ничему не поможет.

Все равно ведь ни мне, ни тебе
Что напутано – не распутать.
Мне одно остается лишь – петь
О тебе в ожиданье попуток.

На дорогах, когда моросит
И душа отсыревшая плачет, -
Твой, моя невидимка, визит
Для меня что-то все-таки значит.

1985 г.

* * *

Уже не синь, а только просинь,
Да приморози серебро...
Я вижу, как берешь ты, осень,
Не кисть – железное перо.

И, нагоняя холод в душу,
Не только в душу – в фонари,
Продрогший сквер рисуешь тушью
На бледном полотне зари.

Заломленные пальцы веток
В мольбе застыли о тепле...
О выдай, небо, напоследок
Что недоотдано земле!

1963 г.

БЕССОННИЦА

Когда на город снег летит,
И свет от фонарей струится,
Как вам – не знаю, мне – не спится,
И в переулках заблудиться –
Нет, мне никто не запретит.

Кто запретит снежинок рой
Мне конницей назвать летящей?
Снег атакует город спящий.
Но он не враг, бедой грозящий,
Не учиняет он разбой.

Он превращает город в цирк.
Жаль, этот цирк не видят дети:
Как все вокруг летит на свете,
Как фонарики лукаво светят
Во все концы, во все концы.

И я на этот свет иду
В надежде, что кого-то встречу,
Что будет весело от встречи.
Порой касаться будут плечи,
И речи будут, как в бреду.

А если до утра совсем
Я никого не встречу все же,
Я грусть на рифмы перемножу,
И, как философ, подытожу:
Дано всю ночь не спать не всем.

И заключу, что и метель
Быть может нежною подругой,
Фонарь любой – веселым другом,
Но от душевного недуга
Не в силах излечить постель.

1980 г.

ВЕТЕР

С ветвей осыпав бахрому,
Шлифует ветер перекрестки,
Неподотчетный никому.
То замирающий, то хлесткий.

Намел к ногам берез сугроб
Совсем не из шальной отваги –
Теплей березкам было чтоб,
А по весне – испытать им влаги.

Для лыжников он чудо – наст
Утрамбовал за стадионом.
И разогнал он дыма пласт -
И задышалось вдруг озоном.

Потом он лист газетный рвал
И гнал его туда, где свалка.
В нем ложь вела такой аврал,
Что ветру было лист не жалко.

А ночью – мне стучал в окно:
«Ну, выходи же, ради Бога!
Смотри, висит луна давно,
И светится стеклом дорога...»

И я его благодарю
За беспокойство и тревогу!
И никогда не укорю
За слишком скользкую дорогу.

1992 г.

Сказник
на
час

ИДЕАЛУ

В лицо мироздания рябое
На бешеном жизненном кроссе
Давай рассмеемся с тобою
Над тем, чего не было вовсе.

Над тем – что лишь было возможно,
И все же – не состоялось.
Над тем – что так просто и сложно...
Ты даже мечтой не осталась.

Ты только осталась звездой,
Порою в ночи светящей,
В ручье – журчащей водою,
Озябшей синицей – в чаще.

Тебя в любой ипостаси
Неузнанную – узнаю я...
Не претендуя на счастье,
И ни к кому не ревную.

1988 г.

ПРАЗДНИК НА ЧАС

Не успел совершить я побег
В ближний сквер на рассвете из дома,
Как сразил меня хлопьями снег...
А воскрес я – мне все не знакомо!

Колдовство!.. Карусель!.. Благодать!..
Стали вдруг невидимками ели...
О каком еще чуде мечтать?
Воробьи вон и те обалдели!

Что, казалось бы, им снегопад,
В честь которого – бурное скерцо?
Значит, белых снежинок парад
И воробушка радует сердце.

Этот праздник – всего лишь на час,
Но на морде у рыжей собаки,
Вечно рвущейся в дикие драки,
Я улыбку заметил сейчас.

И... аукнулась вмиг немота
Анапестами, ямбом, хореем...
Надо мной словно ангелы реют,
И беззвучно поют их уста.

1991 г.

* * *

Снова апреля лучами
Выпиты залпом снега.
Скоро цветения пламя
Месяц взметнет на рога.

Словно беседуя с небом,
Зашелестят тополя.
Быль повествуя? Иль небыль?
Или о чем-то моля?

Вот бы и мне помолиться
В небо широким крестом,
Чтобы вернувшимся птицам
Снова увидеть свой дом.

Только вон там у оврага
Рощица – сожжена:
С пьяною, видно, ватагой
Тешился сатана.

Там, где разлилось болото,
Где задохнулись поля –
Хохотом давится кто-то.
Кто-то – и только не я.

Вздоргну от скворушек крика
И невзначай изреку:
Всем нам повыпало лиха
На сумасшедшем веку.

Все же и мне, и синице,
Дятлу, и воробью
Пламя цветения снится,
Верится в участь свою.

Апрель 1997 г.

ФРЕГАТ

Кончен бал метелей. Я недаром
Тороплюсь на свой забытый сад.
Словно нужно поскорей от кары
На пиратский мне попасть фрегат.

От квартирному телециклопа,
Пожирающего человеческий мозг,
Я бегу – ему меня не слопать.
На фрегате наведу я лоск.

Вот – свободны окна от задрая,
Как на мачту, влез я на чердак...
Глянул сверху: мамочка родная, -
Море-озеро на двадцати верстах!

Обождите, грабли и лопата!
У чердачной постую двери...
Повезло мне все-таки с фрегатом,
С морем – тоже. Дьявол побери!

Здесь мой отдых и вторая смена,
Здесь я сам – матрос и адмирал.
От невзгод, от хаоса, от тлена
Я фрегат пиратский отыскал.

Чайка издали крылом сверкнула.
«Якоря, - вскричала, - поднимай!..»
Ах, как быстро зимушка минула!
Промелькнет еще быстрее май...

Май, 1997 г.

ДИКАЯ ЯБЛОНЬКА

Дикая яблонька, дикая яблонька!
Мне на тебя наглядеться невмочь.
Ты мне скажи, моя дикая яблонька,
Чья ты такая красивая дочь?

Может быть, дочка ты феи-волшебницы?
Или Прекрасной Елены ты дочь?
Или от Матери Божьей по лестнице
С неба спустилась ты в майскую ночь?

В белом наряде стоишь за оградой,
Словно ко мне на свиданье пришла.
Лишь для того, чтобы сердце обрадовать,
Чтобы мечта о любви ожила.

Белых цветов твоих, дикая яблонька,
Молча любуюсь, я не прикоснусь.
Только тебя, моя дикая яблонька,
Вечной любовью любить я клянусь.

27 мая, 1998 г.

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ЛЕТО

За то, что пекло
и за то, что ты лило,
За то, что ты молнией
не сразило, -
Благодарю тебя, лето!

А если я падал, -
то лишь от усталости.
За то, что мне вовсе
не легким досталось ты,
Благодарю тебя, лето!

Катил и катил я
то в город, то в села.
За то, что встречались мне
люди веселые
Благодарю тебя, лето!

Я сам не из тех,
кто впадает в уныние,
И это вот- главной
считаю я линией.

За то, что ты другом
являлось мне в этом,
Благодарю тебя, лето!
Благодарю тебя, лето...

1982 г.

МАЛИНОВЫЙ ПЛАТОК

Я ягоду малину собираю.
Ах, ягода малина, ты сладка!
А сам тебя, тебя все вспоминаю –
В малиновом платке и без платка.

Я не забыл малиновые зори.
Чтоб я тогда в любовь поверить мог –
Себе на плечи ты на косогоре
Накинула малиновый платок.

И стала вдруг малиновою речка,
И облака уплыли на покой.
Мы целовались... И над нами свечка
Зажглась звезды ... неведомо какой.

Ночную пахли волосы фиалкой.
Встречали мы малиновый рассвет.
Платок малиновый ты потеряла.

Жалко!

Где ты сегодня?.. Кто мне даст ответ?..

1999 г.

* * *

Царство золота и тени,
Хрусталя, голубизны...
И опять тоской осенней
Думы все напоены.

Невозвратных дней похмелье,
Словно камень, давит грудь.
Где вы, юность и веселье?
Хоть на час бы вас вернуть!..

Чтобы мир казался проще,
Заглушая сердца стон,
В тишь оранжевую рощи
Я ныряю, словно в сон.

Выхожу к реке и к ивам,
Долго всматриваюсь в синь.
Только – нет... и над обрывом
На душе – одна полынь.

Наконец, я понял: надо –
Видно, в том тоски секрет –
Чтобы шла с тобою рядом
Та, которой рядом нет.

28 сентября, 1997 г.

* * *

Говори мне, говори.
Говори про все, что знаешь.
И про то, что ты не знаешь,
Ты мне тоже говори!

Лишь бы голос твой звучал,
Словно плеск волны озерной.
Буду я тебя покорно
Слушать молча, как причал.

А когда (уж что скрывать)
Вдруг твои устанут губы,
Я скажу тебе негрубо:
Дай... мне их поцеловать!..

Август, 1997 г.

* * *

Обезлюдевший пляж,
призамерзшая заводь...
Перламутрово-розовый,
льдистый восход...
Никогда не кружила
мне голову зависть.
Лишь зимы, как и прежде,
волнует приход.

То бросает в тоску,
словно злобная участь
Предо мною готова
открыть свою пасть.
То душа воспарит, -
и летают созвучья,
Чтобы хлопьями снега
на землю упасть.

Как смогу
эту твердь я согрею
стихами –
Этот берег и пруд,
не застывший пока...
Значит, жив я еще,
если сердце – не камень,
Если грусти и радости
плещет река.

1990 г.

* * *

Лишь было мигом лето,
Еще короче осень.
Ну, а кому за это
Упрек мы с вами бросим?

Уж и метель в глаза нам,
Белым-бела дорога.
Нас не понять южанам,
У них там солнца много.

Там виноград и дыни,
Там алых роз охапки,
И от колючей стыни
Искать не надо шапки.

Но, по теплу тоскуя,
Край, где не греет роба,
За теплоту людскую –
Не разлюбить... Не пробуй!

Я, в миражах объятьи,
Края знавал другие –
И чуть с ума не спятил
От жути ностальгии.

Нет от тоски такому,
Чтоб исцелиться, средства –
Лишь воротиться к дому
И в закоулки детства.

И пусть в глаза – пурга мне,
Белым-бела дорога –
Лежал где раньше камень,
Теперь – душа от Бога.

1980 г.

* * *

Спешу, спешу...
отчаянно спешу!
Спешу –
и никуда не успеваю.
Вот эти строчки
на бегу пишу?
Пишу в уме.
Блокнот не вынимаю.

До электрички
добежав едва,
Купить
не успеваю я билета.
Вот ревизор, а впрочем -
даже два...
Спешить – беда!
Проклятье века это!..

И потому порой,
как выстрел ввысь,
Когда промчится поезд
вдоль откоса,
Я слышу крик души: «Остановись!
Не пощадят
чугунные колеса...

И кто поймет
трагический конец?
И даже люди близкие
в итоге
Подумают, скорей всего:
«Глупец,
Куда его несли
так резво ноги!..»

1990 г.

* * *

Неужели, неужели
Все напрасно, все зазря
Пели белые метели,
Разливалась заря,

Поднимался месяц ясный,
Шелестели тополя?..
Неужели все напрасно:
Горевал, смеялся я,

И порой влюблялся, пылкий,
Сочинял стихи в бреду?..
Неужели на могилки
Я уйду и не приду?

В этот мир ужель обратно
Не сорвать мне дверь с петель?
Пусть за муки, не бесплатно!
Неужели, неужель?

Неужели все, что было –
Только шутка и обман?..
Что цвело, играло силой –
Испарится, как туман!

За неведомым пределом
Потекут в ничто года...
Нет... душа, расставшись с телом,
Не вернется... никогда.

Если даже и вернется
В край, что был родным тебе:
«Нет любимых! – ужаснется, -
Лучше мрак... небытие!».

1991 г.

БЫТЬ МОЖЕТ

«Уйти, потихоньку уйти,
Уйти, никого не тревожа.
Пусть звезды ночные в пути
Иную судьбу мне ворожат,
Свободную – от нелюбви,
Где зори, ковыль, да отроги,
Да дерзость бродяжья в крови...
Вот только бы вынесли ноги!

А если я вдруг упаду,
И с белым расстанусь я светом, -
Кого упрекать за беду?
Рука провидения – в этом»...
Так, может быть, думал Толстой,
Свое покидая именье,
Решая вопрос непростой,
Как фабулу произведенья.

1998 г.

Экстремізи

на

НА ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Хорошо, что так свежо ты, утро!
Хорошо, что небо голубое!
Хорошо, что океан как будто
Бьет о Землю Первомай прибоем.

Хорошо, что флаги, словно птицы,
И что песня, как костры в разгаре.
И куда ни глянешь, всюду лица,
Как букеты роз, улыбки дарят.

И весеннею налиты силой
Наши тесно сдвинутые плечи.
И нисколько жажда не остыла
Лишь вперед идти, заре навстречу.

В век двадцатый рабства нет нелепей.
Мы любому шлем привет народу.
Рвите, люди, на планете цепи!
Так прекрасно ощущать свободу.

1 мая 1971 г.

У ПАМЯТНИКА

В простой кепчонке, чуточку усталый,
Рукой придерживая палеццо,
Стоит Ильич и смотрит с пьедестала.
Великой мыслью светится лицо.

Мне кажется: сейчас шагнет он снова,
И будет легок взмах его руки,
И вырвется из уст застывших слово,
И ринутся на штурм большевики.

И с яростью метнет матрос гранату
В тот ненавистный, тот прогнивший мир.
Я лишь по книжкам знаю эту дату,
Напоминает мне о ней эфир.

А дед мой спину гнул, в полях батрача,
Но слишком солон был его кусок.
И разве мог он поступить иначе?..
Палил в господ, когда настал тот срок.

И я горжусь, что я, его потомок,
Отчизне той навек принадлежу,
Которая от нищенских котомок
До звездных высей провела между.

Пос. Инской, 1971 г.

БОЛЬ

Армения! Твои в слезах глаза...
Что противопоставить адской силе?
Ничьи над Араратом голоса
О том, что будет, не провозгласили.

И дрогнули долина и холмы
И превратили этажи в руины.
Армения, весь шар земной, все мы –
Кочевники, вселенной бедуины.

Нас топят наводненья, нас трясет,
Подстерегает гибель от обвалов...
Кто от напастей этих нас спасет?
Как о себе мы все ж радеем мало!

Мы целимся друг в друга из-за гор,
Чтоб нанести как можно глубже раны.
И воздаст природа за раздор,
Как будто мы не люди, а бараны.

Мы люди. Мы едины. Не дадим
Переродить в безумцев нас незрячих.
И пусть вражды навек исчезнет дым,
И никогда любовь никто не спрячет.

Не отдадим тебя Ленинанкан...
Спитак... Кировокан во власть разрухи.
Сильней тебя, подземный великан,
Врачующие друга руки!

1988 г.

ДРАМА

Довела меня тоска до точки...
Ломит хамство изо всех тенет:
То за ворот хватанет сорочки,
То в кого-то грязью саданет.

Видно, время хамов подоспело:
Как грибы – повылезли вокруг,
Разодеты и холены телом –
Им не ведом никакой недуг.

Жаждет хам, как сто вампиров, крови
И гордится тем, что он – тиран.
Вот он – оборвал на полуслове,
Появившись там, где он не зван.

Вот – в лицо струит вам дым табачный:
Вы пред ним малявка – знали чтоб!
Вот он – рявкнул, гавкнул по-собачьи –
Слабонервных бросило в озноб.

Вот он – спец по грязным анекдотам –
Простака прикончил без ножа,
Зная то, что хлопать будет кто-то,
Ободряя пошлость, дико ржа...

Хамы чтут одно лишь только – ранги.
Перед чином на устах их – мед,
Потому что знают, что баранки
Тот, кто выше рангом, раздает.

Не по мне тот пир!.. И в этом драма.
Только минус – не сменю на плюс:
Аплодировать – не стану хамам!..
Не подам руки!.. Не поклонюсь!

1993 г.

ПОСЛАНИЕ «ДЕМОКРАТАМ»

*на предложение «О мире и согласии»
после расстрела Дома Советов
и его защитников в октябре 1993*

«Демократы» – бюрократы!
Жить от вас паскудно стало...
Влезли в рыцарские латы,
Спрятав рыльца под забрала.

В седла сели – обнаглели,
Наши вывернув карманы.
О себе нам сладко пели,
Оказались – уркаганы.

Объегорили Россию,
Задарма продав за шмотки.
В грудь стучали: «Мы – мессии!»
А потом прямой наводкой,
Чтобы в клочья, чтоб навывлет –
В нас стрелять из танков стали...
А кричали нам не вы ли:
«Был жесток Иосиф Сталин!»..

Исполнителям приказа –
Кошелек за каждый выстрел.
Всех убитых без показа
Позарыли очень быстро.

А потом заговорили
Вы о мире и согласьи...
Лучше б чудо сотворили:
В монастырь ушли от власти.

Да с усердьем бы просили:
«Боги, иродов простите!..»
Только имени Россия
Вы уж не произносите.

Не простит Она проказу
Изуитской вашей власти...
Вот уйдете вы – и сразу
Мир наступит и согласие.

1994 г.

ЭКСПРОМТ - ОТВЕТ

*(Школьникам в качестве документального
материала при изучении истории
государства Российского)*

Внук спросил у деда Васи:
«Власть какой сегодня масти?»
Дед ответил: «Власть таки
Ухватили беляки.
Нынче власть чернит ЧеКа,
Отмывает Колчака.
И парят, как символ зла,
Когти хищника-орла!
... Внук опять: «Скажи мне, дед,
Что так скуден твой обед?..
Три прорехи на штанине...
Отчего такое ныне?»
Дед поник, объятый думой,
А потом изрек угрюмо:
«Обещал нам Ельцин Боря,
Что не будем знать мы горя,
Но лишь поднял власти груз –
Разлетелся наш Союз.
А потом в социализм –
Стал внедрять капитализм.
Чтоб родить буржуев класс,
Ободрал до нитки нас,
Прокричав притом в эфир:

«Есть добыча! Будет пир!
Всем – не хватит никогда.
Объедайтесь, господа!
Ну, а прочим на Руси
Бог подаст на небеси!»..
Чтобы править без помех,
Стать решил он выше всех.
На пути его – Советы.
Гаркнул: «Пли! Советов нету.
И пошла вокруг потеха...
Только люду не до смеха:
Раньше был – его завод,
Нынче – собственность господ...
Сочинили драку кто же,
Что в Чечне? Буржуи – тоже.
Люду – смерть война несет,
Буржуину - в банке счет...
Все, как видишь, внук, в ажуре –
Всюду волки бедакурят!
Президентская же пресса
Бережет народ от стресса.
Ей, наверно, нипочем –
Что к чему и что почем.
«Не бывать, - кричит, - возврату!
Лишь вперед! Вперед... к разврату!..»
Вот такой экспромт – ответ
Внуку дал Василий дед.

1995 г.

РЫБАК

(Грезы в морозы)

Седые брови
и усы седые,
А на бровях ушанки
бурый мрак.
А под ушанкой –
мысли роковые.
Не просто так
сидит на льду рыбак.

Пытает дед
в морозный день удачу:
Над лункой
золотую рыбку ждет.
Он не попросит
на Канарах дачу –
Лишь только рыбка
выскочит на лед.

И Мерседес ему не нужен
прыткий:
Он не пройдоха,
не холявщик-плут, -
Себе просить
заморских благ у рыбки,
Когда на свалках
обитает люд.

Да он и сам
освоит свалку скоро:
Был простаком –
продал свою избу,
А государство
оказалось вором –
И улетели денежки
в трубу.

И вот без денег с бабкой
и без крова
Он по углам скитается
чужим...
Так поступили с ним за что
сурово?
Да и с другими,
а не только с ним?

Он попросил бы
рыбку золотую
Лишь об одном:
за долголетний труд
Вернут пускай хоть пенсию
былую...
О, как мечтать, рыбак,
ты все же крут!
Ты, дед, забудь
про сказку,
про удачи:

Ту рыбку съели
в «благородства» знак
Те, у кого
в заморских далях дачи,
Кто так легко
надул тебя, рыбак.

Не хмурь ты, дед,
свои седые брови,
А коль не прочь –
глотнем по стопарю...
Ершей себе
ты все равно наловишь
И бабу тем
обрадуешь свою.

Ну, а ворье,
тебя кто объегорил,
Когда попросят вновь
«зеленый свет»,
Ты на свое зазря не сетуй
горе –
Пошли их
к черту, Клинтону и Колю...
И уж тогда
припомним сказки, дед.

Март, 1997 г.

НАДО!

Надо – чтобы дом твой не был адом,
Чтоб искрилась радость круглый год,
Чтоб жена и дети были рядом,
Чтобы лаял пес, мурлыкал кот,
По весне – кричал скворец на ветке,
Чтоб жилось не хуже, чем тебе
Твоему соседу и соседке –
Чтоб порядок был в любой избе.
Надо также – чтоб была работа,
Чтоб работать было всем охота,
Государство чтоб у вас обманом
Не могло бы вывернуть кармана,
Тем же, кто обворовал, ограбил –
Предоставить долгосрочный лагерь.
Надо: чтобы слово «демократ»
Не равнялось слову «бюрократ»,
Чтоб не мог палач и людоед
Подзакрасить свой кровавый след.
Надо... Но в агонии Россия
Где же, где же истинный мессия?
Только мы – рабочая Россия,
Что в агонии, и есть мессия!
Под родными, люди, небесами
Излечить себя должны мы сами.
Для того, чтоб дом наш не был адом,
Все, что надо сделать – сделать надо!

Апрель, 1997 г.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ РАЗГОВОР

Вот уже к концу моя дорога.
Впереди не рай, конечно, - ад.
Потеряю, может быть, немного.
Даже, может, аду буду рад.

Опускаясь, может, по спирали,
Весь пройдя за кругом круг маршрут,
Я скажу: Мы это уж видали.
Сатана! Вы не палач... Вы шут...

Что костры? Я вовсе не из робких.
Вы меня не испугали, бес.
На земле у нас пожарче топки –
Как-никак, а все-таки прогресс.

Домны – это вам не сковородки,
Уголек - вам это не кизяк.
Вы бы знали, в срок какой короткий
Города вставляли на костях.

Ух... а козни как умели стряпать,
Будь хоть ты душой, как ангел, чист.
Вы в аду слышали про гестапо?
На Лубянке вас пытал садист?

Вы в ключах любви хоть раз кипели?
Предавал вас самый близкий друг?..
Вижу, Сатана, вы онемели,
А на морде – дьявольский испуг.

Ну, о чем тогда еще судачить
С вами мне, малейший Сатана?
Лучше сбегай, принеси без сдачи
Для прописки водки иль вина.

Ведь у вас сухого нет закона?
Черти пьют, но не теряют вид...
Для поэтов ад – покоя зона
От гонений, хамства и обид.

1989 г.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РЮМИНА

Отгоревал, отмучился поэт...
Оборвалась тернистая дорога.
А что за той дорогой? Мрак? Иль свет?
Известий нет из-за того порога.

Где были мы? Куда опять уйдем? –
Не вразумила ни одна элита...
Горел он миг. Спасибо и на том.
Земная чаша выпита, испита.

Не предавал идущих рядом он,
На полпути не бросил крест поэта.
Наградой будет пусть – спокойный сон.
И память друга светлая за это.

17 октября, 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	5
Откуда родом я...	6
Камушки из детства	
Русалка	8
Моей школе	9
На перроне	12
Вновь хочу увидеть море	14
Простите, чайки	16
Огольцы	18
Картинка из детства	20
Мальчишки	22
«Вот и снова снег голубоватый...»	23
«Иду, где потемней дорожки...»	24
Ода весне	26
Миг чуда	
«Опять покрылось небо мглою...»	28
«Стонет ставня, словно мерзлый полоз...»	29
«За окном морозная, голубая ночь...»	30
«Здравствуй, май!.. Раскованность!.. Свобода!..»	32
«За окном всю ночь грустит гармоника...»	33
Майская ночь	34
Миг чуда	36
Свердловску	37
Казахстанское утро	38
Весенний день	40
Монолог чудака	41
«На призывный крик скворца...»	42

«Холодны пускай рассветы...»	43
—то жалеть о том цыгану	44
Махнем на Север	46
—а дамбе	48
—а берегу	50
Артышта	52
Машинист	54
Леток	56
В больнице	58
—а рижском взморье	59
«Охватило пыланьем листья...»	60
«Ах, осень! А осень такая!..»	61
«Словедь «Дон-Кихота»	62
Невидимка	64
«Же не синь, а только просинь...»	65
Бессонница	66
Ветер	68

Праздник на час

«Идеалу	70
Праздник на час	71
«Слова апреля лучами...»	72
Зеленат	74
В тускнице колледжа	75
Синяя яблонька	76
Благодарю тебя, лето	77
Матинный платок	78
«Царство золота и тени...»	79
«Говори мне, говори...»	80
«Обезлюдевший пляж, призамерзшая заводь...»	81

«Лишь было мигом лето...»	82
«Спешу, спешу...отчаянно спешу!..»	84
«Неужели, неужели...»	86
Быть может	88

Экспромты на ветру

На первомайской демонстрации	90
У памятника	91
Народ не простит	92
Боль	94
Драма	95
Послание «демократам»	97
Экспромт-ответ	99
Рыбак	101
Надо!	104
Предполагаемый разговор	105
Памяти Николая Рюмина	107
Содержание	108

Устьянцев Виктор Яковлевич
Простите, чайки!
СТИХИ

Литературно-художественное издание
Корректор - Харитоновна З.И.
ISBN 5-85471-039-0

Сдано в набор 16.06.99 г. Подписано в печать 20.07.99г.
Формат 60 x 84 1/32. Бумага писчая. Гарнитура Arial Cyr.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,2. Тираж 140. Заказ № 13.
Цена свободная.

Лицензия на издательскую деятельность ЛР №040415 от 03.04.97г.

Отпечатано в ИПП «Беловский полиграфист»
концерна «Кузбассполиграфиздат».
652615 г. Белово, ул. Чкалова, 18. Тел. 2-22-67. Факс. 4-34-00

* * *

Примеркнуло время где-то между нами...
В нас цветенья рыва не вквара
С самой четкой с самой тонкой
Над рекой встретил я везеря?

У девочки-костя утешится
На лице навзрыт взлет бровей.
Я давно в нее устал вквочиться,
Но про то не говорил я ей.

Все, что мы друг другу не сказали,
Отпущалась невзрачной сном,
Сговорили бессловесно улит
И реки задушистой снаде.

Восхищались мы ищем закката,
И метят летим на звезду...
Все прошло, все кончилось суда-то,
К той реке где я не приду.

Та река и возет те закката.
Словно дни рассеялись подтот.
Я идуи встретил яри везеря.
Линь во сне ко мне прихотлив тот.

20. 08. 2000

* * *

Средне, такие ступи!
 а у нас у меня на средине.
 Устают гради,
 как моты, носуся небу.

З. Витина ятеми Зов
 — и сиряние неграссе в хризе.
 У псевдных расов
 — м поледний Зовас. на кихе.

Рекать на к земли...
 — ерзе ядет разжеветя не жакт-
 ожити у м. левони састе.
 Ангелство - Трудове колу.

Октябрь 2001

